

Оглавление

Анастасия Сюсюра (3 курс группа 2ла, бакалавриат Института иностранных языков РГПУ им. А.И. Герцена). <i>Вы с нами, пока память жива</i>	с.2
Белла Виленская (4 курс группа 3ба, бакалавриат Института иностранных языков РГПУ им. А.И. Герцена) <i>На войне</i>	с.6
Екатерина Кокорева (1 курс группа 2 мл, магистратура Института иностранных языков РГПУ им. А.И. Герцена). <i>Моя семья в истории России XX века</i> (выдержки из работы, представленной на общероссийской юношеской научной конференции, 2014)	с.9
Анастасия Пиндюр (4 курс, бакалавриат факультета теории и истории искусств СПбГАИЖСА им. И.Е. Репина). <i>Память жизни</i>	с.13
Полина Реунова (3 курс группа 2ла, бакалавриат Института иностранных языков РГПУ им. А.И. Герцена). <i>Украденное детство (из воспоминаний моего дедушки)</i>	с.17
Александра Андреевна Фаблинова (Шарапова) (ассистент кафедры английского языка и лингвострановедения Института иностранных языков РГПУ им. А.И. Герцена). <i>Из жизни нашей семьи во время Великой Отечественной войны</i> (материалы подготовлены совместно с Мариной Александровной Шараповой (Козапойковой)	с.26
Анна Залмановна Атлас (доцент кафедры английского языка и лингвострановедения Института иностранных языков РГПУ им. А.И. Герцена). <i>Он был из фронтового поколения (о З.А. Атласе, выпускнике герценовского истфака 1941 года)</i>	с.29

Анастасия Сюсюра
3 курс группа 2ла, бакалавриат Института иностранных языков
РГПУ им. А.И. Герцена

Вы с нами, пока память жива

*Нет в России семьи такой,
Где б не памятен был свой герой...*

Е. Агранович

День Победы – это действительно великий праздник для всех жителей нашей страны. Праздник особенный, со слезами на глазах. День Победы – это день памяти тех, кому мы многим обязаны, тех, кто отдал свои жизни, для того чтобы мы жили в мирное время.

Прошло уже 75 лет со дня Великой Победы, но мы не вправе забывать о страшных событиях войны и тех, кто принимал в ней участие.

Ветеранов Великой Отечественной уже практически нет в живых, очень мало осталось тех, кто пережил войну, будучи ребёнком. Но есть их дети, внуки, правнуки, которые изучают истории своих семей, помнят и гордятся. Даже те, кто не знал о ком-то из своей семьи, сейчас могут найти такую информацию, потому что она стала более доступной. Здорово, что организуются различные акции, такие как «Бессмертный полк», и всё больше и больше людей принимают в них участие.

Я хотела бы поделиться историями о тех, кто принимал участие в Великой Отечественной войне в моей семье.

На фото выше родители моей бабушки Лены, матери моего отца: Надежда и Георгий, её брат Анатолий. Прадед, Шаповаленко Георгий Григорьевич, до войны работал учителем истории и географии в школе, был ее директором, в деревне Копанской Ейского района Краснодарского края.

4 мая 1942 года добровольцем ушёл на фронт, погиб в концлагере 7 декабря 1942 года под городом Шахты.

1939 год, фото в школе в деревне Копанской. Прадед наверху в центре.

На фото выше Бедров Аркадий Леонидович, родной брат прабабушки Надежды. До войны работал учителем черчения и рисования в г.Тихорецке Краснодарского края. В 1942 году пропал без вести.

На фото выше отец моего дедушки Коли по папиной линии, Кеня Ипатий Семенович. Родился в 1909 году. Воевал в Крыму, в Керчи, защищал город от оккупантов. Прошёл всю войну.

К сожалению, тех, кого нет с нами, уже не вернуть. Но мы можем хранить память о них и рассказывать историю семьи своим детям, внукам и правнукам, передавать из поколения в поколение. Я горжусь своей семьей и очень рада написать то, что знаю о своих родных, в преддверии замечательного праздника – Дня Победы.

На войне

Есенков Адам Григорьевич

рядовой

погиб в бою, 1945 г.

похоронен в г. Демблин, Польша

В последнем письме он говорил, что объявили победу и что он скоро вернется домой. Их оставили охранять аэродром, когда ночью напали бендеры. Пуля прошла навывлет через голову...

Моему прадедушке Адаму 15 лет. Венгры пришли в их деревню и предупредили о планируемой атаке. Времени оставалось мало – запрягли лошадей, собрали скарб, посадили детей и женщин на обозы и пошли 100 км до Воронежа. Было решено перезимовать на восточной стороне Дона, который от Курской области подковой огибает Воронеж и куда немец не мог добраться. Медленной вереницей люди шли, оставляя хаты и поля, не надеясь вновь увидеть родной край. С собой взяли только необходимое. Адам гнал корову – самое ценное, что было в хозяйстве Есенковых.

Немецкие штурмовики настигли их еще в пути. Обстрел начался со второго захода и, чтобы наверняка попадать по цели, самолеты прижимались к земле. Прабабушка Люба на всю жизнь запомнила лицо немецкого пилота, как он смеялся и стрелял. Когда атака прекратилась, Адама нигде не было. Остаться и ждать было нельзя; они допустили первые серьезные потери. Неожиданно

простая истина холодом ударила по всем, кто тогда искал спасения – война безжалостна и безобразна.

К счастью, Адам нагнал своих спустя время. И если бы он не нашел укрытие, его семья, как и вся деревня, не пережили бы эту зиму: близ Воронежа их взяли на постой в обмен на молоко, масло и другие продукты.

Когда немцы начали отступать, они вернулись к себе. Весенняя дорога была покрыта следами продолжительных боев. В оставленных орудиях было много немецких трупов без одежды и обуви.

Вторая эвакуация тоже пришлось на зиму. В этот раз небольшому отряду немцев удалось добраться до поселения. Люба вспоминает интересный случай, один из моментов везения, которые являются скорее исключением, чем правилом. Она щипала цыпленка – для того времени неплохой обед для большой семьи. Горстка немецких солдат рыскала по хатам, и неожиданно один из них вошел в бабушкину избу. Нечего и говорить, он выхватил цыпленка из рук, но не ушел, а бросил в печь и опустил заслон. Когда зашел второй, добрый солдат сказал, что здесь нечем поживиться, и они ушли.

Перед третьей эвакуацией, они выкопали глубокую яму рядом с домом, куда спрятали все свои пожитки и запасы картофеля в надежде на то, что после возвращения им будет легче восстановить хозяйство. Но прошла очередная зима, и летом они обнаружат, что место их склада нашли и разворовали. Им придется жить в землянке, поднимать целину и растить то, что осталось в бедной почве. Место окружали заросли ольхи, хорошего дерева на отстройку не было. В соседнем селе Емельяновка люди копали кирпич и разбирали церковь. Оттуда они с Любой привели икону и положили в стенку как стройматериал. Возможно, совпадение, но прабабушка потом часто горела.

Адам отбывал на фронт из Кшени, куда приехала проводить его бабушка, взяв для него обед. Когда они проводили вместе последние минуты, прозвучал приказ подниматься. Ложка сломалась в его руках, и, не доев, он попрощался с бабушкой. Конечно, для нее это был недобрый знак: она предчувствовала, что они

больше не увидятся. Полк повели пешком из Кшени в Касторное, откуда отправили в Сибирь на учения, а оттуда уже на фронт.

...Так, пройдя всю войну, получив награды за отвагу и застав капитуляцию Германии, дедушка Адам был застрелен. Об этом семье сообщил его командир; к сожалению, он не дал точных данных захоронения. Все, что известно из его письма, это Польша, кладбище города Демблин, могила под тремя березками.

Моя семья в истории России XX века

(выдержки из работы, представленной на общероссийской юношеской научной конференции «История и художественная культура» (2014))

История именно моей семьи Кокоревых мне известна с начала XX века. Перед Великой Отечественной войной, мои прадедушка Алексей Федорович и прабабушка Ольга Ефимовна Кокоревы жили в Петергофе. У них было трое детей: дочь Валентина и сыновья Александр и Владимир. На момент рождения моего дедушки Владимира Алексеевича, оба его родителя работали в Ленинграде, на заводе «Красный треугольник».

Прадед Алексей Федорович, 1904 года рождения, был щуплый, худощавый, невысокого роста, лысый, с голубыми глазами. В его роду были портные, говорят, даже известные в Петербурге. Алексей Федорович тоже умел шить.

С самого начала войны Алексей Федорович ушел на фронт. Вернулся с войны в 1944 году с наградой – орденом Красной Звезды. О войне он рассказывал немного, не любил вспоминать ужасы военного времени и очень был рад вернуться к жене и детям живым. Часто вспоминал «немца» – снайпера, из-за которого стал инвалидом.

Прабабушка Ольга Ефимовна, в девичестве Тихомирова, 1907 года рождения, была из семьи путиловского рабочего. Отец её был человек серьезный, пустых разговоров не любил. Он был кормильцем четырех человек – жены и дочерей. Каждой дочери в приданое он смог купить по швейной машине «Зингер», стоившей в те времена баснословных денег. Ольга Ефимовна была женщина статная, с желто-зелеными глазами. Во время войны она сберегла всех своих троих детей. С ухода мужа на фронт и вплоть до его возвращения, она с детьми

проживала у своих родственников в городе Лихославле Калининской (ныне Тверской) области.

После войны семья опять жила в Петергофе, на улице Гольца (нынешняя Волконская), дом 18. У них родился четвертый ребенок – Сергей. Чтобы прокормить семью в послевоенное время, Алексей Федорович покупал на барахолке старье и перешивал из него на машине «Зингер» с ножным приводом вещи на продажу. При этом он приговаривал: «Портной гадит, а утюг гладит». Также у них был огород. Жили они бедно, как и большинство семей в послевоенном хаосе.

Хотя по документам мои предки числились русскими, фактически они были карелами и между собой разговаривали на карельском языке. О себе они говорили: «Мы, карелы, люди простые». Прабабушка умела печь из ржаной муки пирожки с картошкой, а также «калекукко» – пирог с рыбой. Прадеды ушли из жизни рано – в 70-е годы прошлого века. Первой – Ольга Ефимовна (1972), затем – Алексей Федорович (1974). Похоронены они на кладбище в Петергофе.

По линии моей бабушки, Кокоревой (Бурцевой) Галины Ивановны, судьбы родственников тесно связаны с ужасами блокадного Ленинграда. Моя прабабушка Дыбкина Анастасия Григорьевна родилась 15 сентября 1909 года в деревне Орля Брянской области в многодетной небогатой семье, состоящей из семи человек. Во времена создания колхозов прабабушке и ее подруге – дочери председателя колхоза, удалось выправить необходимые документы и уехать в Ленинград в поисках лучшей жизни. Здесь же, в Ленинграде, в 30-х годах прошлого века моя прабабушка встретила своего будущего мужа – Бурцева Ивана Даниловича, 1910 года рождения, уроженца Черниговской области. Иван Данилович относил себя к казакам, часто рассказывал историю про своего деда – георгиевского кавалера, и любил петь песни, особенно «Распрягайте, хлопцы, коней».

Перед началом Великой Отечественной войны у Ивана Даниловича и Анастасии Григорьевны было трое детей – двойняшки Анатолий и Татьяна, а также Галина – 26 марта 1938 года рождения – моя бабушка. Жили они в Шишмаревском переулке, дом номер 7. О надвигавшейся Великой Отечественной

войне в первый раз прадедущка понял случайно – из разговора военных в трамвае. Тогда он предложил своей жене – Анастасии Григорьевне закупить несколько мешков дуранды – жмыха, остатков семян масличных растений после выжимания из них масла, которые используются при кормлении скота – чтобы не умереть с голоду, если все-таки начнется война. Но прабабушка заявила, что лучше умрет от голода, но дуранду есть не будет. Как бы она им помогла в блокаду!

Во время Великой Отечественной войны по состоянию здоровья (глухота из-за разорванных барабанных перепонки вследствие контузии, туберкулез) прадедущка был вместе со своей семьей. Во время блокады он ползал на линию фронта за неубранной вовремя, засыпанной снегом капустой, а также за мясом убитых лошадей. Работал прадедущка в «ЖАКТе» – жилищной конторе. Помимо прочих в его обязанности входило выполнение поквартирного обхода для своевременного учета и вывоза умерших людей.

Даже в возрасте девяноста лет моя прабабушка всякий раз заливалась слезами, когда вспоминала о том, как во время блокады в трамвае, где она ехала вместе с маленькой Галей, кто-то из обезумевших от голода людей громко заявил, что с удовольствием бы съел ее ребенка... Кроме того, Анастасия Григорьевна рассказывала, что вокруг Бадаевских складов во время пожара было поставлено оцепление, никого не пускали спасать продовольствие – пусть уж лучше сгорит, чем кому-то достанется. По-видимому, боялись спекуляции.

О вреде проявления в сталинскую эпоху человеческих чувств – сопереживания и сочувствия, прабабушка узнала благодаря соседке по коммуналке. На кухне, слушая рассказ одной из соседок о том, как та переходила линию фронта в поисках своих детей, бабушка прослезилась. И вскоре попала на допрос в Большой дом с малолетней Галиной на руках. Оказывается, другая соседка написала донос, что Анастасия Григорьевна плачет – сочувствует немцам. Правда, некоторое время спустя ее отпустили, но страх остался. Даже в восьмидесятые годы Анастасия Григорьевна требовала замолчать, если кто-то пытался рассказать при ней анекдот про Брежнева, и указывала на открытую форточку.

Потеряв двойняшек Анатолия и Татьяну (они похоронены на Серафимовском кладбище) от царившего кругом голода и холода, семья Бурцевых была направлена в эвакуацию, в Кировскую область. Много лет спустя мои прадедушка, прабабушка и бабушка были награждены знаком «Житель блокадного Ленинграда». Кроме того, мои прадеды получили звание труженик тыла.

Многим родителям в блокаду приходилось делать нелёгкий выбор, кого из своих детей кормить, чтобы ребёнок выжил. Анастасия Григорьевна и Иван Данилович выбрали Галину Ивановну, мою стойкую бабушку.

После войны Бурцевы осели в Петергофе. Первоначально они поселились в здании, занимаемом теперь санаторием «Петродворец». Там, в одной из комнат на последнем этаже, жила старшая сестра Анастасии Григорьевны – Софья. Послевоенное время было очень тяжелым и голодным. Весной дети бегали за «заячьей капустой» в ближайший лес. Пытались утолить голод, поедая всякую появившуюся травинку. В 1946 году в школе (на берегу Финского залива возле локатора-маяка) в первом классе были как маленькие дети – моя бабушка Галина Ивановна, так и большие – переростки, чье детство выпало на войну. Тетрадей не было. Учились писать и считать на полях старых, жёлтых, истлевших газет. В качестве клея пользовались картошкой, сваренной «в мундире».

Анастасия Пиндюр
4 курс, бакалавриат
факультета теории и истории искусств
СПБГАИЖСА им. И. Е. Репина

Память жизни

*Что может враг? Разрушить и убить.
И только-то?
А я могу любить,
а мне не счесть души моей богатства...*

Ольга Берггольц

Весна... Солнце мягко льет свои сияющие потоки, отгоняя сон, в который погружена природа. Ее приход радостно встречают птицы, нежно щебеча и напевая причудливые трели. Ветер, словно вестник, своими легкими порывами повествует о грядущем обновлении в круговороте жизни. Природа готовится облечься в лучезарные одежды красоты и гармонии. Наступает Май. Все говорит об ожидании, и в весеннем воздухе уже звучит мелодия победного марша. И мы, ныне живущие, пытаемся взглянуть в то далекое время, мы задаемся вопросом: какими же были наши предки, люди пережившие страшные годы Великой Отечественной войны? Тогда, прикрыв глаза, начинаем припоминать рассказы, устно передаваемые бабушками и дедушками. Всматриваясь в эти открытые лица на старых пожелтевших от времени черно-белых фотографиях, представляем себе, как разговаривали прадедушки и прабабушки, что чувствовали и как бы отнеслись к нам, потомкам, в чьих жилах течет их могучая кровь и чьим продолжением мы стали в настоящее время? Воображение словно воскрешает их жизнь, фрагмент за фрагментом, рождая мозаичное панно образов, не имеющих четких контуров, и те события, которые они пережили.

Война затронула практически каждую семью, и моя не является исключением. Прасковья Андреевна Данилина, в девичестве Ульянова, моя

прабабушка, не успела эвакуироваться в 1941 году – железнодорожную станцию Мга, под Ленинградом, очень быстро захватили немцы; спустя какое-то время была взята в плен и угнана в Германию с 5 детьми. Она сумела сохранить жизнь каждого своего ребенка. Смерть, страх, боль, жестокость окружали их со всех сторон. Она не могла говорить о тех событиях, слишком тяжелы были воспоминания. Не могу в полной мере представить, насколько самоотверженной и бесстрашной была эта женщина. Откуда в ней было столько сил? Перелистывая альбом, находишь очевидный ответ. Любовь к своим детям, Родине, жизни делали ее такой. Этот властный и одновременно печально-проникновенный взор таит несокрушимую силу любви. Моя бабушка (послевоенный ребенок) говорит, что ее мама, Прасковья Андреевна, была строгая, справедливая, очень любила петь русские песни. Возможно, она напевала их тогда, в плену, в полголоса, в свободное время после изнурительной работы, пытаясь успокоить своих детей.

В послевоенные годы она очень любила песни в исполнении Лидии Руслановой и Анны Герман. Мне кажется, что чем больше думаю об этом, тем явственнее слышу ее негромкий, чистый голос. Сама прабабушка любила петь «Я люблю тебя жизнь». Самое сложное – остаться человеком, и сохранить его в себе помогала любовь. Прадедушка, Владимир Николаевич Данилин, попал на фронт, воевал, получил тяжелое ранение, выжил, но остался инвалидом. Не желая быть обузой для семьи, вернулся в дом своей сестры. Но семья все же воссоединилась.

Слыша эти рассказы в детстве, мне всегда грезилось, как решительная и неколебимая в своей воле женщина берет свой платок и выходит на улицу. Длинная юбка развивается под порывами сильного ветра. Как ускоряется ее шаг, как она бежит к нему, обхватывает руками его шею и молча долго вглядывается в лицо, постаревшее и уставшее за эти долгие годы. Вот они вместе возвращаются домой. На их глазах слезы, но это слезы радости обретения друг друга. Звучат строки песни Анны Герман, которую прабабушка тоже очень любила петь: «Покроется небо пылинками звезд, и выгнутся ветви упруго, тебя я услышу за тысячу верст...». Для любви не существует расстояний и срока давности.

Их жизнь была борьбой, и в ней они были искренними и шли до конца в своих чувствах, не изменяя самим себе. Те испытания, которые посылала им жизнь, они преодолевали достойно и мужественно. Вот в чем кроется истинный героизм духа: в самоотречении, верности, жертвенности и, конечно же, любви. Думая о них, невольно сравниваю саму себя с ними. Смогла бы я быть такой же сильной, смелой, не утратить чувство любви, а приумножить его, защищая свою семью? Не знаю, но очень бы хотелось быть достойной их памяти.

Прасковья Андреевна и Владимир Николаевич Данилины

Люди долга и силы – вот наши предки, подарившие нам свободную жизнь и радость ее каждодневных переживаний, возможность наблюдать приход весны, лета, наслаждаться бесконечным многообразием течения жизни. Только помня

наше прошлое, мы сможем осознать настоящее и обрести знание о том, как создать будущее, в котором никогда не будет страшных повторений истории. Забыть — значит погибнуть.

Украденное детство (из воспоминаний моего дедушки)

У каждой страны есть свой главный праздник, который отмечается ежегодно на протяжении долгого времени. В России таким праздником является 9 Мая. В этом году мы празднуем 75-летие со дня окончания Великой Отечественной войны и, по моему мнению, в нашей стране нет более трогательного, трагичного и в то же время славного праздника, чем День Победы – праздника со слезами на глазах.

Многое перенесли наши бабушки и дедушки за годы фашистской оккупации, но все-таки они сумели проложить своими руками дорогу к этому великому празднику. Только благодаря самоотверженному труду, боевым заслугам, стойкости народа мы смогли выиграть эту войну, несмотря на то, что путь к этой Победе был нелегким.

Время бежит вперед. Остаётся всё меньше и меньше участников боевых сражений, ветеранов Великой Отечественной войны. Но есть среди нас ещё живые свидетели тех страшных событий. В годы войны многие были детьми, кто-то уже вступал на порог взрослой жизни. Но вместе со всем народом они стойко переносили все тяготы и лишения. Война украла у многих детей счастливый период их жизни – детство. Безусловно, это невосполнимая утрата.

Каждый человек хранит в памяти какой-то момент своей жизни, который кажется ему вторым рождением, переломом во всей дальнейшей судьбе. Война живёт в душе переживших её такими воспоминаниями, и они никогда не смогут забыть её из-за тяжелейших потрясений.

Я бы хотела привести рассказ-воспоминание моего дедушки, Зиновия Гольдберга, которому было всего 8 лет, когда началась блокада города Ленинграда:

“К сожалению, эти воспоминания я начал писать, когда мне было 75 лет, а продолжил в 80 лет. Многое ушло из памяти. Любые мемуары носят субъективный характер, но я постараюсь быть объективным.

Начало войны застало нашу семью (меня, маму и сестру) в Коломягах, тогда это был пригород Ленинграда. Когда началась война, мы, дети, очень обрадовались, так как были уверены, что наша «НЕПОБЕДИМАЯ И НЕСОКРУШИМАЯ» (слова песни о Красной Армии) быстро разгромит фашистов, и война «будет только на их территории» – так трубила официальная пропаганда. Но скоро начались бомбежки, и я не понимал, почему наша армия и наши «СОКОЛЫ» не дают отпор. Вскоре мама настрого запретила что-нибудь говорить о войне, так как началась охота на паникеров и вражеских лазутчиков, которые сеяли панику среди народа. Все замолчали и молча слушали радиосообщения от «Совинформбюро», которое каждый день сообщало: «...после длительных и кровопролитных боев наши войска оставили город...». Стало ясно, что война подходит к Ленинграду. Первая волна эвакуации началась 28.06.1941 и продолжалась до 27.08.1941, пока не были перерезаны все железнодорожные пути.

Вскоре город начали эвакуировать. Срочно вывозились оборонные предприятия и детские сады. Мама меня тоже собрала и хотела отправить с

каким-то детским садом. Я помню, что сидел уже в вагоне, как вдруг мама меня вытащила со словами: «Ты никуда не поедешь». Ей кто-то сказал, что эшелоны часто бомбят, и много людей гибнет. Так мы все остались в Ленинграде.

В школу я пошел в 8 лет в сентябре 1941-го, как и все дети в то время. Но нас почти сразу отпустили по домам, потому что начались бомбежки, первая была 6 сентября, а 8 сентября замкнулось кольцо блокады, и к бомбежкам добавились артиллерийские обстрелы.

Осенью 1941-го мы из Коломняг смогли перебраться в город и жили там в съемной комнате, которую нам посчастливилось получить. Дело в том, что в это время в городе было уже много свободных квартир, потому что многие горожане уехали во время эвакуации.

Зима 1941 года началась рано. Лед на Неве появился в октябре. В это время уже не работало отопление, не было электричества, не ходили трамваи, водопровод при первых морозах замерз, и за водой мы ездили на Неву. Мы закрыли смежную комнату, заклеили крест-накрест окна полосками бумаги, чтобы стекла не лопались от взрывной волны. На ночь завешивали окна одеялами для утепления и светомаскировки. В качестве источника света использовалась, у кого была, керосиновая лампа, а мы пользовались коптилкой – это бутылочка с фитильком, который горит. В бутылочку наливался керосин. Чтобы как-то согреться, мы, да и другие ленинградцы, жгли в буржуйке всё, что могло гореть: книги, мебель.

Одной ночью произошел пожар, когда мы спали. Кто-то настойчиво стучал в дверь нашей квартиры, но мы все спали в одной кровати под несколькими одеялами, согрелись и не хотели выходить. Ждали, чтобы вышли соседи. Но не дождались. Стук продолжался, и мама отправила меня посмотреть, почему стучат. Я вернулся с криком: пожар! Все начали вытаскивать свои пожитки во двор, прямо на снег. Парадная лестница была уже сильно задымлена, и все выносили вещи через запасную лестницу. Так как была зима, то всех погорельцев быстро расселили по квартирам, нас же подселили к одному одинокому больному мужчине. Мне помнится, что у него был мешок картошки, который он прятал.

Он выбрасывал очистки в помойное ведро, а мы их собирали и с удовольствием ели – уже начался голод. Когда была тревога и все должны были идти в убежище, мы решили остаться дома, потому что мы уже привыкли к таким ситуациям. Наш сосед тогда залез под кровать. Я это увидел и стал хохотать. Сестра мне шёпотом говорит: «Он не пошел в убежище из-за боязни, что мы украдем у него картошку». Вскоре этот дом расселили, так как он был деревянный, и пустили его на дрова. Нас переселили в другой дом, который стоял во дворе.

Нас спрашивают: «Как вам удалось выжить в этот голодомор?»

У социологов и биологов для характеристики естественного отбора есть понятие «выживание приспособленных». В блокаду это значило: надо было научиться не съесть сразу 125 грамм непонятной глинообразной массы хлеба, жить без воды, без отопления, без света и других удобств.

Нам всё это удалось благодаря маме. Перед войной она работала в объединении «Молокосоюз». Её ставили торговать на лотках мороженым и другими молочными продуктами. Во время блокады ничего этого не было, и её отправили работать уборщицей в молочный магазин. Это был, он и сейчас там существует, небольшой магазинчик в Финляндском переулке. Там выдавали продукты по карточкам. Это дало возможность маме иногда отоваривать наши карточки. Почему иногда? Да потому, что выдачи бывали очень редко из-за полного отсутствия продуктов. Но когда поставляли что-то, то мама получала, хотя многие и этого были лишены. Дома был жестокий режим экономии хлеба. Когда мама приносила небольшой кусок хлеба, то делила его на несколько паек и прятала их в шкафу, чтобы я и сестра не съели их сразу.

Сестра в это время училась в медицинском институте и получала рабочую карточку – 250 грамм хлеба, мама – тоже, а я как ребёнок – 125 грамм. Хлеб выдавали по карточкам каждый день, и он состоял из опилок, бумаги, каких-то тряпок или ваты и совсем небольшого количества муки. Но когда его получали, некоторые съедали этот кусочек сразу. Мама потом рассказывала, как она прятала этот липкий, сырой хлеб, сама не ела, клала кусочек в рот под язык и

потом остатки частями делила между мной и сестрой. Помню, что сестра ходила сдавать кровь, как многие студентки мединститута, и в этот день мама не давала ей её пайку, т.к. после сдачи крови она получала хороший обед, но только не помню, приносила ли она что-нибудь домой.

Работая уборщицей в магазине, маме иногда удавалось собрать крошки с пола, с прилавков, если они там оставались, тогда вечером на «буржуйке» готовила на патоке замечательную похлебку из крошек и жмыха (это отсеб от переработки зерна, семечек) – это был праздник. Патоку мама покупала на толкучке. Все кожаные ремни, которые были у нас и которые мы нашли в комнате врача, были разрезаны на кусочки и сварены.

Уже после войны мама говорила, что во многом помогло ей выжить то, что перед блокадой она была довольно полной женщиной. И подкожный жир помог ей не умереть голодной смертью.

Из книги «Человек в блокаде. Новые свидетельства» (2008): «Теоретически суточный рацион состоял для иждивенцев и детей: Хлеба – 125 г, жиров – 6,6 г, мяса – 13,2 г, сахара – 26,6 г, крупы – 20,0 г. Итого 466 калорий. Продукты отпускались один раз в декаду или в полмесяца, да и то не всегда». Карточки выдавали по месту жительства каждый месяц. Люди умирали от голода и холода. В некоторых семьях, когда кто-то умирал, это скрывали и на них получали карточки. Карточки можно было купить. Хлеб тоже можно было купить. Кто-то умирал, а кто-то наживался. В интернете можно найти информацию о том, как питалась в блокаду партийная верхушка.

Помню, что у мамы было несколько золотых царских монет, на которые она выменивала хлеб и карточки, когда моя сестра потеряла свои (или у нее украли их), и мы остались на месяц без карточек. И несмотря на всё это, мама, потом я, а затем и сестра почти побывали на том свете. Моя сестра была на 12 лет старше меня. Когда мама слегла, сестра бросилась на толкучку и смогла на золотую монету выменять несколько котлет и хлеб. Так мы подкормили маму, и она встала. Это же произошло со мной и с сестрой. Я помню, что лежал с опухшими руками, и ничего не хотелось делать, да и не было сил поднять руку.

Но мама с сестрой как-то выходили меня. То же повторилось и с сестрой. Тина потом вспоминала, что в тех котлетах ей попадались человеческие ноги.

Случаев убийства людей было довольно много. «Официально было зарегистрировано 250 случаев людоедства». Люди умирали прямо на улице. Мне на всю жизнь запомнилась смерть молодого парня. Я ехал с санями на Неву за водой мимо Финляндского вокзала. Впереди в метрах 10 от меня шел молодой парень. Он шел медленно, ноги у него заплетались, а глаза стекленели.

Эти ничего не видящие глаза остались в моей памяти. Он прошел несколько шагов и свалился прямо передо мной. Я ничем помочь не мог. Мне было 8 лет. Я и сам еле передвигался. Люди умирали дома в постелях, умирали у станков. «В ноябре дистрофия и холод угоняли в могилу от 4000 до 7000 человек в день».

От цинги нас спасали еловые и сосновые ветки. Мы на них заваривали чай. Весной взламывали квартиры и находили в них замороженные трупы. Они не разлагались, т.к. были заморожены. Это я помню из рассказов людей, которые весной вышли на уборку города. Во избежание эпидемий весной, когда начал таять снег, была объявлена общая уборка города. Из-под снега начали появляться неубранные трупы (их называли «подснежники»), нечистоты, мусор. Я помню, что тоже работал с лопатой, и одна женщина сказала: «Ты такой маленький, а лопата больше тебя». Это почему-то запомнилось.

«В конце января началось улучшение с выдачей продуктов по карточкам. Впервые выдали настоящую муку». Уже «с 11 февраля были увеличены нормы отпуска продуктов на карточки: 500 гр. хлеба для рабочих, 400 гр. для служащих и 300 гр. для детей и неработающих. Из хлеба исчезли примеси, а 16 февраля выдали на карточки качественное замороженное мясо». Появились продукты по ленд-лизу – это поставки из Америки, Англии. Начали регулярно отоваривать продуктами карточки. У людей скопились неотоваренные талоны на карточках, и все получили много (в понятии голодных дней) продуктов. Помню, что мама принесла огромный пакет шоколада, наверное, целый килограмм, на котором был нарисован американский флаг. «Сразу сократилось количество случайных

смертей. Если в феврале было подобрано на улицах 7000 трупов, то в апреле – 600, а в мае – всего 50». То есть, пик голода прошел.

«Статистика по смертям: если до войны – 3000 в месяц, то в 1942 за январь-февраль – 130 000 в месяц, за март – 100 000, май – 50 000, июль – 25 000, сентябрь – 7000.

В начале блокады во время налётов немецкой авиации мы прятались в бомбоубежище, чаще всего это были подвалы больших домов. Я помню, как выбегал на улицу и смотрел на эти налеты. Было интересно смотреть, как летят клинья самолетов, как рвутся вокруг них снаряды зениток, а им хоть бы что. Иногда летали наши самолеты. Мы, дети, научились различать гул наших и немецких самолетов.

Однажды, когда я гулял (помню, что это было зимой), ехала телега с лошадей по нашей улице. И вдруг лошадь – видимо, тоже от голода – упала. Через несколько минут откуда-то подлетели люди с ножами, топорами и стали кромсать мясо с этой лошади. Я тоже побежал за ножом домой, но пока я бегал, остались одни кости, и меня к ней уже не допустили. Помню, что во дворе медицинской академии, или где-то рядом, упала большая авиабомба и не взорвалась. Мы, дети, бегали туда смотреть на воронку, но вскоре это место огородили и туда не пускали.

Несколько слов о том, как мы эвакуировались. «28 июня 1941 г. из Ленинграда начинается первая волна эвакуации. Первая волна эвакуации началась 28.06.1941 и продолжалась до 28.08.1941, пока не были перерезаны все железнодорожные пути. Выехало порядка 500000 человек. Вторая волна эвакуации через Ладожское озеро сначала по воде, а потом по льду началась в сентябре 1941-го и продолжалась по апрель 1942-го и тоже в основном – заводы с их работниками. Выехало 659000 человек. Третья волна эвакуации через Ладожское озеро началась в мае 1942-го и продолжалась по октябрь 1942-го и тоже в основном – заводы с их работниками. Выехало 403000 человек. В отличие от спланированной и поэтапно проводимой эвакуации промышленности, материальных ценностей и личного состава научных и

творческих объектов, эвакуация обычного населения проходила безалаберно. В октябре 1942-го эвакуация была прекращена, т.к. власти приняли решение, что всех, кто им нужен, они вывезли.

Выехать из осажденного города нам удалось благодаря сестре. Дело в том, что из города по Дороге Жизни вывозили только предприятия, вузы, детские сады. Мама же работала в молочном магазине. Как мы выехали? Сестра через кого-то узнала, что в комиссии по эвакуации работает её школьный учитель физкультуры. А она в школе была очень спортивна, и учитель её уважал. Она обратилась к нему за помощью, и он нашу семью включил в списки на эвакуацию. Так мы смогли через Ладожское озеро в июле 1942-го выехать из блокады.

Помню, что мы уезжали с Финляндского вокзала. Нас довезли до Ладожского озера и на баржах переправили на противоположный берег. Один раз нас облетал немецкий самолет, и всех людей загнали в трюм. Но он не бомбил и не обстреливал, хотя было много случаев, когда баржи с людьми топили. Так мы добрались до Кобон, это небольшой поселок на берегу Ладожского озера. Он вошел в историю, как пункт приёма всех транспортов из блокадного Ленинграда как зимой, так и летом. Здесь все получили нормальный паёк и сытно поели. При этом всех предупредили, чтобы много не ели, т.к. после голода может произойти обморок, и были смертельные случаи. Вскоре всех собрали и посадили в товарные вагоны и отправили дальше.

На теплоход попасть было тяжело, так как мы эвакуировались частным образом, не с заводом и не с какой-то организацией. Помню, что мама всё время где-то пропадала, чтобы записаться на пароход, и никак не могла, но всему приходит конец, и мы сели на пароход и поехали дальше на восток. Я уже не помню, как мы добрались до Казани. Там мы жили какое-то время у родственников, а позже переехали в город Мамадыш.

Мама вскоре пошла на работу, а я – в школу в первый класс. Мама работала продавщицей в каком-то канцелярском магазине. Поскольку я преуспевал в первом классе, то меня сразу перевели в 3-ий класс. Таким образом, я не потерял ни

одного года из-за войны, хотя почти все мои сверстники потеряли по 1 или по 2 года.

В заключение я хотел бы сказать следующее:

Сейчас многие люди, не пережившие БЛОКАДУ, говорят: “подумаешь, голодали в блокаду, мы тоже во время войны голодали”. Но это разные вещи, разный голод, я хотел бы этим людям предложить для похудения дней 10 пожить на воде и 125 граммах хлеба. Тогда бы они чуть-чуть почувствовали, что такое чувство голода. Хотя и это не отражает того, что пришлось испытать нам, блокадникам. Хлеб-то был не теперешний....”

В конце 1944 дедушка с семьей переехал в Харьков, где он учился в Авиационном техникуме, а затем окончил политехнический институт. В 1961 году он с мамой вернулся в Ленинград. Там дедушка стал работать на машиностроительном заводе “Звезда” в должности инженера-конструктора в исследовательском отделе. В 1998 вместе с семьей он уехал из Санкт-Петербурга в Германию. По сей день дедушка занимает должность одного из руководителей клуба изобретателей в Кёльне. Вместе со своими коллегами дедушка оформил и получил несколько патентов, например, за изобретение конструкции датчика давления и др. В Ленинграде это были такие работы, как прибор для измерения мощности работающего дизеля, устройство защиты дизеля от разноса, прибор для измерения давления в цилиндре дизеля. А всего за время работы он получил 17 авторских свидетельств и патентов на разные устройства и приборы.

Александра Андреевна Фаблинова (Шарапова)
ассистент кафедры английского языка и лингвострановедения
Института иностранных языков им. А.И. Герцена

Из жизни нашей семьи во время Великой Отечественной войны

Воспоминания родных сохранила в памяти и передала мне мама,

Марина Александровна Шарапова (Козапойкова)

Мой дедушка, Александр Хрисанфович Козапойков, встретил Великую Отечественную войну подростком. В 1941 году ему было 13 лет. В самом начале войны он был эвакуирован из осажденного Ленинграда, но почти сразу сбежал из эвакуации домой, к маме, Зинаиде Александровне Козапойковой (Моркиной), которая, будучи сотрудником сберегательной кассы, должна была оставаться в городе. Вскоре начался голод, и дедушка слёг. Он пролежал всю первую зиму блокады; врач приходила к нему домой. Говорят, что многие из тех, кто слёг от голода в то время, уже не вставали, но дедушка встал. В годы войны он ходил в школу, дежурил на крыше, где тушил зажигательные бомбы, летом работал на огородах. В общем, делал всё то, что делали ленинградские школьники. А может быть, и немного больше, поскольку был награжден медалью «За оборону Ленинграда» в числе первых, даже раньше, чем его мама.

Жили мои дедушка с прабабушкой в центре Ленинграда, недалеко от Владимирской площади. Отопления в городе не было. Благодаря старшему брату Зинаиды Александровны, работавшему на железной дороге, им удалось запастись дровами. Дедушка говорил, что, наверное, поэтому и выжили. В квартире было относительно тепло, и сослуживцы прабабушки приходили к ним мыться (городские бани не работали). Сам прабабушкин брат, Николай Александрович Моркин, не пережил войну. Он умер в блокаду от голода. Прабабушка вспоминала, что перед смертью он говорил: «Мне бы кусочек масла – я бы

поправился». Где был похоронен нашей семье неизвестно, но предположительно на Пискаревском кладбище.

Другой брат прабабушки, Алексей Александрович Моркин, ушел на фронт. В Ленинграде у него остался маленький сын Женя. Дедушка и прабабушка по очереди забирали мальчика из детского сада и несли домой на спине. Однажды, когда Зинаида Александровна с Женей уже приближались к дому, начался артобстрел. Прабабушка взяла племянника на руки и прижала к груди. Ей в спину попал осколок, а ребёнок не пострадал. Зинаида Александровна прожила с этим осколком всю жизнь. Была награждена медалью «За оборону Ленинграда». Умерла в 1970 году в возрасте 67 лет от инфаркта.

Младшая сестра прабабушки, Антонина Александровна Ткаченко (Моркина), тоже прожила в Ленинграде всю жизнь и тоже работала в блокаду в сберегательной кассе. Она рассказывала один случай. Наступила суровая зима. Лёд встал, и тем, кто имел силы и желание и не был в силу работы обязан оставаться в осажденном Ленинграде, разрешалось пешком покидать город по Дороге Жизни. Однажды, в день выдачи денег со сберкнижек (по словам Антонины Александровны, в месяц каждому разрешалось снять сумму, равную по стоимости одному килограмму лебеды на рынке) на работу вышли только она и заведующий. Образовалась огромная очередь. Заведующий запускал людей в сберкассу группами, а Антонина Александровна в одиночку выдавала им деньги. Для этого ей нужно было постоянно ходить с документами вкладчика в другое помещение через тёмный обледеневший коридор. Было очень холодно, и Антонина Александровна сильно устала. Возвращаясь в очередной раз с деньгами, сберкнижкой и карточкой клиента, она вдруг обнаружила, что паспорта этого молодого человека у неё в руках не было. Документ искали в обоих помещениях и на полу в тёмном коридоре, но не нашли. Молодой человек не ругался, он лишь умолял вернуть ему паспорт в тот же день, потому что на следующий день он собирался идти с группой через Ладогу на Большую землю. Договорились, что Антонина Александровна выдаст деньги всем остальным клиентам, а после закрытия сберкассы поищет его паспорт еще раз. Документ был обнаружен

приклеившимся к стене в коридоре. По всей видимости, Антонина Александровна поскользнулась и ухватилась за обледеневшую стену рукой, в которой был паспорт. Она рассказывала, что молодой человек долго и искренне благодарил её за возвращённый документ.

Антонина Александровна была очень веселым и жизнерадостным человеком. У неё была небольшая разница в возрасте с племянником (моим дедушкой), и они всю жизнь оставались хорошими друзьями. Антонина Александровна тоже была награждена медалью «За оборону Ленинграда». Умерла от инфаркта в 1987 году в возрасте 72 лет.

Прабабушка вспоминала, что самое большое ликование в Ленинграде было, когда объявили о прорыве блокады. Люди выбегали на улицы, обнимались и целовались, поздравляя друг друга. Дедушка с другом, празднуя это радостное событие, изображали скульптурную группу (юношу и коня) на Аничковом мосту. Сами скульптуры, как известно, в начале войны были сняты с постаментов и закопаны в сквере у Аничкова Дворца.

Дедушка, как и его мама и тётя, умер от инфаркта. Он скончался в 2001 году в возрасте 72 лет. Это был удивительный человек – добрый, всегда готовый прийти на помощь, интеллигентный и общительный. У него было много друзей, его уважали на работе, его любили в семье. Любим и помним и сейчас.

Анна Залмановна Атлас
к.ф.н., доцент кафедры английского языка и
лингвострановедения РГПУ им. А.И. Герцена

**Он был из фронтового поколения (о З.А. Атласе,
выпускнике герценовского истфака 1941 года)**

На фото: З.А. Атлас среди однополчан (второй слева в верхнем ряду)

То, что наш отец – фронтовик, как и многие его друзья и коллеги по Курганскому государственному пединституту, мы со старшим братом знали с детства. Всё, что было связано с Великой Отечественной войной, свято чтилось в нашей семье, и День Победы, наряду с днём рождения папы, отмечался как самый главный праздник. Фронтовиков тогда часто приглашали на встречи, где они делились своими военными воспоминаниями. Но папа не любил рассказывать о войне, даже избегал этого, и мы в какой-то момент перестали допытываться, поняв, что ему тяжело возвращаться к событиям того времени. Четыре года и восемь месяцев его жизнь была связана со службой в рядах Красной Армии и

боевыми действиями; на войне он потерял самых близких людей. Вместе с тем выпускники КГПИ, а впоследствии коллеги отца отмечали: "Нам, студентам, было небезразлично, что Залман Аронович Атлас – участник Великой Отечественной войны. Он никогда не бравировал этим, но на юбилеи и праздники надевал ордена" [1]; "Вспоминая учёбу в вузе, ...хотелось бы выделить особо... нашего декана Залмана Ароновича Атласа. Его, любимца студентов, участника Великой Отечественной войны, радиста, бывшего всё время на передовой, трудно было чем-либо испугать – бытовыми трудностями, к примеру, или высоким начальством" [2]. Сегодня короткие строки автобиографии отца, его письма с фронта, письма однополчан его сёстрам, воспоминания студентов, коллег и родных, а также архивные документы и работы современных исследователей позволяют восстановить события его жизни в годы войны.

З.А. Атлас – выпускник исторического факультета Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена 1941 года. В 1937–1941 годах в ЛГПИ читали лекции крупные учёные: академик В.В. Струве, известный египтолог и ассириолог, директор Института востоковедения АН СССР, член зарубежных Академий наук; профессор С.И. Ковалёв, известный историк античности, крупнейший знаток истории Древнего Рима; профессор А.Е. Кудрявцев, крупный специалист по истории средних веков, погибший во время блокады Ленинграда; профессор В.В. Мавродин, выдающийся специалист по древней и средневековой Руси, профессор С.Л. Рубинштейн, один из самых известных отечественных психологов, и другие.

22 июня 1941 года, в день, когда началась война, мой отец сдавал предпоследний государственный экзамен. На следующий день он досрочно, как и многие другие студенты, сдал последний выпускной экзамен, а вслед за выпускным вечером 26 июня был направлен комсомольской организацией пединститута на оборонные работы по укреплению советско-финской границы на Карельском перешейке. Ещё через два дня, 28 июня, выпускникам исторического факультета ЛГПИ им. А.И. Герцена вручили дипломы.

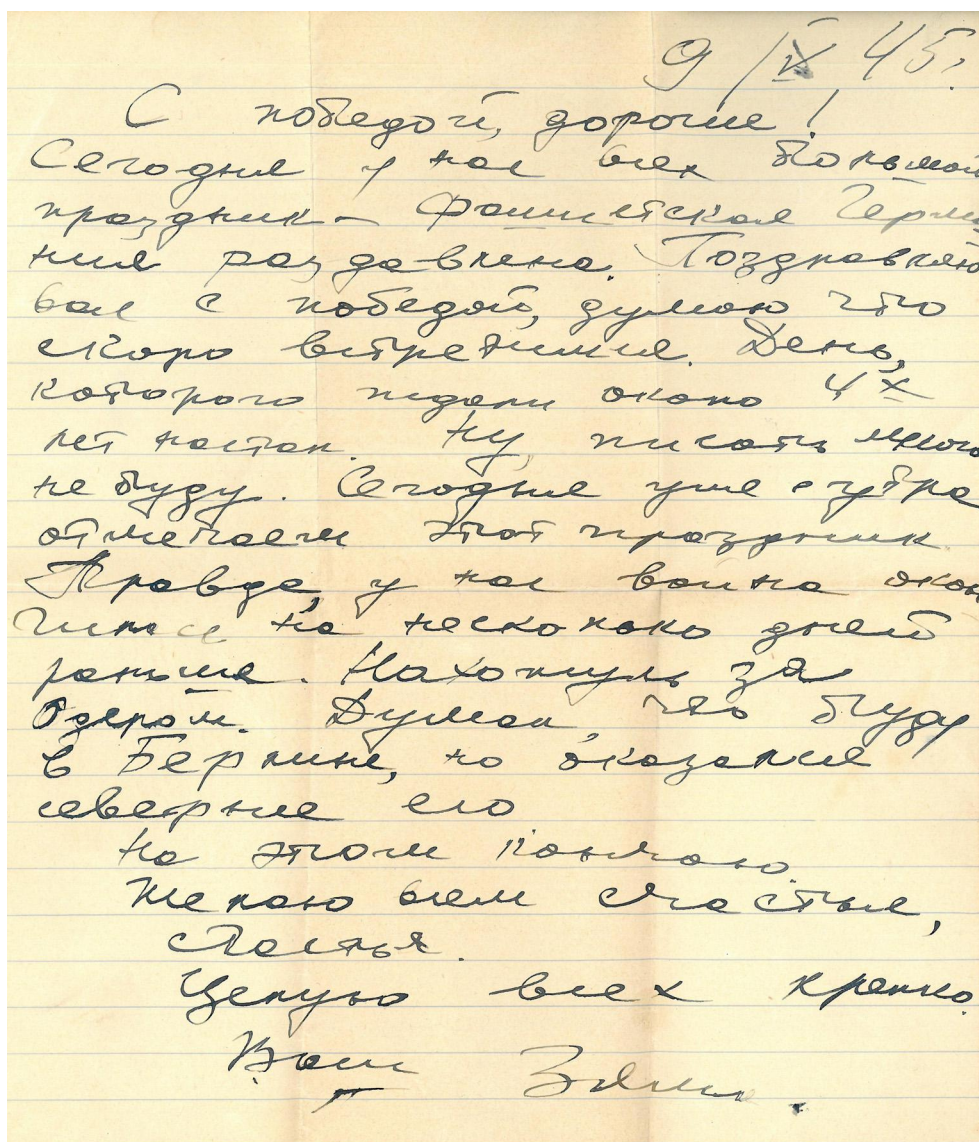
14 июля 1941 года, после завершения оборонных работ, З.А. Атлас был мобилизован в ряды Советской Армии и направлен на учёбу в качестве курсанта во вновь сформированное Военное радиолокационное училище воздушного наблюдения, оповещения и связи Красной Армии, которое было спешно эвакуировано в тыловой город Бирск. С.Г. Синенко, автор книг по истории Башкирии военного времени, пишет, что "всё, что связано с работой училища, для жителей города сначала было засекречено" [3: 28]. Он уточняет, что "от будущих офицеров этого специфического училища... требовался особенно острый и развитый слух – умение на большом расстоянии определять по звуку количество летящих самолётов, их типы, направление и высоту полёта. Поэтому набирали в училище студентов ленинградских музыкальных школ и консерватории" [3: 30]. У отца был прекрасный музыкальный слух, отточенный на прослушивании семейной коллекции записей и посещениях в студенческие годы концертов в Ленинградской филармонии.

После окончания училища в ноябре 1941 года он был направлен на Северо-Западный фронт в должности техника радиолокационной установки; с марта 1942 являлся командиром взвода связи 76-го Запасного артиллерийского полка, затем находился в резерве командного состава артиллерии Красной Армии г. Москвы. С марта 1943 года до конца войны являлся начальником радиостанции 126-й Отдельной армейской роты воздушного наблюдения, оповещения и связи 70-й армии Центрального фронта, а затем 1-го Белорусского и 2-го Белорусского фронтов.

В письме, написанном в ноябре 1944 года командиром войсковой части, где служил З.А. Атлас, и адресованном его сестре в связи с тем, что её брат получил боевую награду, капитан С.Г. Холявко пишет, что "Залман Атлас является одним из лучших офицеров нашей части. Проявил храбрость, мужество и отвагу", и благодарит "за воспитание доблестного воина" (из семейного архива З.А. Атласа). В фронтовом приказе (май 1945) о награждении З.А. Атласа правительственной наградой читаем, что за период с 15 марта по 15 апреля им было передано 145 донесений на Главный пост войск воздушного наблюдения, оповещения и связи Фронта. "Только за 22 марта было своевременно передано 16 донесений о

групповых самолётах противника. В результате чего были предприняты меры борьбы с вражеской авиацией, которая пыталась задержать наши войска, стремившиеся выйти к морю южнее г. Гдыни" [4]. Устанавливая связь с Фронтом, подразделение отца шло впереди разведки.

В годы войны З.А. Атлас участвовал в Орловско-Курской битве, в боях за освобождение Украины, Белоруссии и Польши, в овладении крепостью Торунь, городами Гданьск, Гдыня, Росток и многими другими, в форсировании Одера, в боях за взятие Берлина и соединении с союзными английскими войсками на линии Висмар-Виттенберге. Вот его письмо с фронта, написанное 9 мая 1945 года родным:

9/5/45
С победой, дорогие!
Сегодня у нас всех торжественный
праздник - фашистская Германия
никогда не раздается. Торжественно
вас с победой, душой это
стало вырваться. День,
которого не забуду никогда 4
лет назад. Ну, писать много
не буду. Сегодня уже утром
отмечаем этот праздник.
Кравде, у нас война окончилась
уже не несколько дней
раньше. Начиная за
Одером. Душой, но буду
в Берлине, но оказавшие
севернее его
на этом полном.
Меню всем счастья,
здоровья.
Целую всех крепко.
Ваш Зина

Письмо З.А. Атласа с фронта, написанное 9 мая 1945 года

Он получил множество воинских наград, а также почётных грамот и благодарностей Верховного Главнокомандующего: Орден Красной Звезды, Орден Отечественной войны II степени, медали "За боевые заслуги", "За освобождение Варшавы", "За взятие Берлина", "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг." и другие награды.

После того, как война окончилась, отец не сразу вернулся на Родину. Ещё почти целый год он служил в рядах Советской Армии сначала на территории Германии, а затем СССР и являлся командиром взвода связи 2-й ударной армии 343-го гаубичного артиллерийского полка 384-й артиллерийской бригады 372-й стрелковой дивизии. В марте 1946 года был демобилизован в воинском звании старшего техника-лейтенанта.

В войну, когда З.А. Атласу было всего 22 года, он потерял отца и мать, бабушку и всю семью дяди. Последнее письмо от родных датировано августом 1941, и долгие два с половиной года отец и его сёстры не имели никаких известий о судьбе родных, на начало войны остававшихся в Речице, небольшом белорусском городе на Днепре. В конце 1943 отец сделал запрос в горисполком Речицы о судьбе родных, и его школьный друг М. Любовицкий, который благодаря этому запросу узнал адрес полевой почты отца, написал, что "расспрашивал о родителях [отца] у многих речицких и ему отвечали, что они эвакуировались" (из семейного архива З.А. Атласа).

После Гомельско-Речицкой наступательной операции войск Белорусского фронта под командованием маршала К.К. Рокоссовского в ноябре 1943 года, проходившей через родной городок отца, он получил в горисполкоме известие, что родители "в данное время в г. Речице не проживают"; они были "арестованы немецкими властями; последствия не известны". "Страшная весть, – пишет он в письме с фронта от 18 января 1944 года своим сёстрам, которые находились в это время в Казани, в эвакуации, – но её нужно перенести мужественно" (из семейного архива З.А. Атласа). Они до последнего надеялись, что их родные спаслись, но к тому времени семерых из них не было в живых уже более двух лет. Отца, Арона Атласа, нацисты запрягли в телегу и заставили возить воду из

Днепра, а потом расстреляли. "Его супругу, Фаню Атлас, они привязали за волосы к запряжённой телеге и таким образом волочили по улице, а затем убили" [5: 297; 6: 263], – пишет о трагической судьбе родителей отца Альберт Каганович в своих исследованиях по истории Речицы, выполненных на большом объёме архивных документов. Надо ли говорить, почему отец и его сёстры избегали расспросов о войне.

Конечно, война не могла не сказаться на характере З.А. Атласа, его отношении к жизни, к людям, к работе. Г.А. Прохорова, его жена, вспоминала: "Он был из фронтового поколения, и это уже о многом говорит. Война повлияла на его отношение к жизни, сформировала его характер, нравственный облик. Безусловно, война была камертоном в его жизни. Он не мог себе и в мирной жизни позволить «снижать планку». На всю жизнь Залман Аронович сохранил чувство фронтового товарищества. Он знал институтских фронтовиков, радовался встречам с ними, горевал, когда некоторые из них стали уходить из жизни, провожал в последний путь. Он дорожил дружбой с фронтовиками своей студенческой группы: Юрой Фруменковым, Сашей Коржевским, Женей Сигаевым, Ваней Бауло и другими" [7: 153].

На фото: В студенческом общежитии ЛГПИ на ул. Желябова (конец 1930-х–нач.1940-х годов)
Нижний ряд (слева направо): С. Фильченко, З. Атлас, А. Коржевский; П. Трофимов (2-й справа)
Верхний ряд: Ю. Фруменков (1-й слева), М. Селезнев (в центре), Е. Сигаев (справа)

"Живя в разных городах, некоторые из них приезжали в Курган, встречались в Ленинграде и непременно заходили в Герценовский институт, радовались успехам друг друга, помогали в беде" [там же].

В 1975 году в "Учительской газете" в преддверии 30-летия Победы была опубликована заметка "Отзовитесь, выпускники 1941-го":

УЧИТЕЛЬСКАЯ ГАЗЕТА ● **Вторник, 4 февраля 1975 года**

ОТЗОВИТЕСЬ, ВЫПУСКНИКИ 1941-го

**Создадим коллективную летопись дел и судеб тех,
кто со студенческой скамьи ушел на войну**

ВЫПУСКНОЙ БАЛ в ночь на 22 июня 1941 года... Об этом рассказано в книгах и кинофильмах. И от частого повторения это, может быть, утратило остроту. Но ведь именно так и было. Для многих неожиданно-негаданно на самом пороге счастья оборвалась мирная жизнь и наступили суровые испытания, потребовавшие мужества, любви, веры.

Историю всенародного подвига в Великой Отечественной войне, истоки величайшего мужества, любви к Родине, негасимой веры в победу можно ярко показать на примере тех, кто мечтал стать учителем, а стал в 1941-м солдатом.

На днях редакция получила вот это письмо:

«Нам, выпускникам исторического факультета Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена, вручали дипломы 28 июня 1941 года, через неделю после начала войны. И затем мы разъехались кто куда. Большею частью — на фронт.

Многие из нашего выпуска погибли, но многие живы. В канун знаменательной даты — 30-летия нашей Победы очень хочется встретиться с теми, с кем вместе учились и начинали войну.

Дорогие друзья, отзовитесь. Ждем ваших сообщений о себе по адресу: Ставро-

польский край, г. Пятигорск, улица Буачидзе, 7, кв. 8, Кузнецову Олегу Викторовичу.

Персонально обращаемся к Сигаеву Е. В., Каплину А. П., Перебаскину Н., Атлас З. А., Фруменкову Ю. Ю., Бауло И. И., Трофимову П., Лившиц Я., Селезневу М., Дисман Л., Ерюхину А.

Заранее благодарим

О. КУЗНЕЦОВ, А. КОРЖЕВСКИЙ».

**

ПУБЛИКУЯ ПИСЬМО, редакция присоединяется к выраженной в нем просьбе. Дорогие выпускники педагогических институтов 1941 года, отзовитесь, напишите в газету о родном институте, о преподавателях, ушедших на фронт, о друзьях-товарищах, о себе, о том, как били фашистов и как трудились в тылу для победы, учили детей. И кем вы стали теперь. О сбывшихся мечтах. А может, и о несбывшихся. Создадим коллективно летопись дел и судеб выпускников 1941-го!

Это могут быть очерки, и воспоминания, и публицистические раздумья, и рассказы о целой жизни, и рассказы об одном дне. У кого-то, вероятно, сохранились дневниковые записи, письма с фронта и письма на фронт, фотографии. Все интересное напечатает. Условие одно: рассказываем о тех, чей выпускной бал состоялся в июне 1941 года.

Газета сообщала о письме в редакцию О. Кузнецова и А. Коржевского, в котором они писали: "Нам, выпускникам исторического факультета Ленинградского педагогического института имени А.И. Герцена, вручали дипломы 28 июня 1941 года, через неделю после начала войны. И затем мы разъехались кто куда. Большею частью – на фронт. Многие из нашего выпуска

погибли, но многие живы" [8]. Они призывали своих одноклассников встретиться в Ленинграде.

И они встретились. Сколько было разговоров там, на скамейке во дворе Герценовского института у памятника Ушинскому, и дома, у гостеприимной сестры папы, которая знала его студенческих друзей с довоенного времени.

На фото: ЛГПИ им. А.И. Герцена. У памятника Д.И. Ушинскому (июль 1975 года)
Слева направо: Л. Дисман, З. Атлас, А. Коржевский, Е. Сигаев; И. Бауло (2-й слева)

В последние годы отец "с большой сердечной болью слушал песни о войне: "Враги сожгли родную хату", "Дороги", "Серёжку с Малой Бронной", гамзатовских "Журавлей"... Слова этих песен перекликались с его жизнью" [7: 153]. Вспоминаю, как в один из приездов к родителям, когда мы вместе смотрели "Обыкновенный фашизм" Михаила Ромма и "Судьбу человека" Сергея Бондарчука, наш отец, не привыкший проявлять свои чувства прилюдно, не смог сдержать слёз.

Он славно воевал на фронте и славно работал в мирное время, окончив аспирантуру при кафедре всеобщей истории ЛГПИ им. А.И. Герцена и защитив диссертацию по истории австрийской социал-демократии в годы первой мировой войны. З.А. Атлас стоял у истоков создания Курганского пединститута и проработал в нём 46 лет, из них почти 20 лет был деканом исторического и

историко-филологического факультетов, 14 лет заведовал кафедрой всеобщей истории [7; 9; 10; 11]. Отец всегда и во всём ощущал себя старшим и, безусловно, состоялся как личность. Но это уже другая, ещё одна мощная страница его жизни – о бесконечной ответственности за других, принципиальности и преданности делу.

Я вспоминаю его молодцеватую выправку, замечательную широкую улыбку, мягкий юмор, беззаветную заботу о родных и теплоту наших бесед и всё, всё, всё: он для меня был и остаётся очень близким человеком.

Библиография

1. Кузьмин А. Искать и находить истину // Курган и курганцы. 2010. № 3 (14 января).
2. Бражнов В. Спустя полвека о храме науки – с любовью... // Новый мир. 2002. № 133 (22 июля).
3. Синенко С.Г. Глубокий тыл. Башкирия в годы Великой Отечественной войны. Уфа, 2005. 223 с.
4. Приказ о награждении З.А. Атласа, начальника радиостанции РСВ 126 отдельной армейской роты ВНОС, медалью "За боевые заслуги". URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=23270077&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 01.02.2020).
5. Каганович А. Речица. История еврейского местечка Юго-Восточной Белоруссии. Иерусалим, 2007. 447 с.
6. Kaganovitch, A. The Long Life and Swift Death of Jewish Rechitsa. A Community in Belarus, 1625–2000. Madison (Wisconsin), 2013. 402 p.
7. Шилов С.Н. Он был из фронтового поколения (материалы подготовлены с участием Г.А. Прохоровой) // Этих дней не смолкнет слава: Зауралье и зауральцы в годы Великой Отечественной войны. Курган, 2005. С. 148–154.
8. Отзовитесь, выпускники 1941-го // Учительская газета. 1975. № 15 (4 февраля).
9. Давыдова Ю.Р. Атлас Залман Аронович: человек и историк. Выпускная квалификационная работа (машинопись). Курган, 2008.

10. Фёдоров С.Г. Памяти Залмана Ароновича Атласа // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности: Материалы Всероссийской научной конференции "VI Емельяновские чтения". Курган, 2012. С. 17–18.
11. Прохорова Г.А. Они стояли у истоков истфака КГУ. Штрихи к портрету // Там же. С. 8–10.

